

Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 4. Mannheim etc.: Duden-Verlag, 1990.

Engel U. Deutsche Grammatik. 3, korrigierte Aufl. Heidelberg: GroosVerlag, 1996.

Kleine Enzyklopädie: Die deutsche Sprache. Leipzig: VEBBibliographisches Institut, 1970. Bd 2.

Rezat S. Die Konzession als strategisches Sprachspiel (Sprache – Literatur und Geschichte. Studien zur Linguistik). Heidelberg: Universitätsverlag, 2007.

bgp55@mail.ru

G.P. Berzina (Novosibirsk, Russia)

CONNECTION THE COGNITIVE CONCESSION WITH THE LANGUAGE CATEGORY OF CONCESSION

In article the author does attempt to establish dependence of language designation of a situation of *concession* with a frame conceptualization. A frame, being a principle of a representation of skilled cognitive knowledge of the person, connects area cognitive and language in the course of verbalization of concessive sense.

Key words: concession, frame, concessive, cognitive.

H.A. Беседина (Белгород, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В МОРФОЛОГИИ (ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ)

В статье предпринимается попытка представить осмысление морфологической репрезентации в рамках общей теории языковой репрезентации знаний.

Ключевые слова: взаимодействие когнитивных и языковых структур, морфологическая репрезентация, морфологически передаваемый концепт, фон – фигура, прототип

Современные когнитивные исследования в лингвистике позволяют рассматривать язык не только как средство формирования и выра-

жения мысли, но и как систему репрезентации знаний. Полученные наработки в рассматриваемой области (см., например, результаты исследований, представленные в сборниках: [Типы знаний... 2007; Проблемы представления ... 2007]) позволяют говорить об актуальности создания общей теории репрезентации мыслительных структур в языке. Как представляется, такая теория может быть построена только с учетом специфики репрезентации на разных языковых уровнях. В качестве одного из центральных уровней в процессе языковой репрезентации ментальных единиц и структур выступает морфологический. Это объясняется тем, что без морфологии невозможно существование языков и именно морфология, по замечанию А.А. Реформатского, представляет собой центр языкового пространства. При этом, у разного типа языков своя морфология (см. подр. [Реформатский 1979]). В настоящей статье предпринимается попытка теоретически осмыслить проблему репрезентации мыслительных структур в морфологии и на этой основе предложить возможные пути развития общей теории репрезентации.

Разработка теории языковой репрезентации знаний, осуществляемая лингвистами-когнитологами, основывается на изучении типологии и структурной организации форматов знания, выявлении принципов и механизмов соотношения когнитивных и языковых структур, лежащих в основе репрезентации знаний в языке. В течение последних 20 лет активного развития когнитивной лингвистики в России и других странах мира основной упор делался на создании различных типологий единиц концептуальной системы (концептов) и их определении (см. подр. анализ в [Болдырев 2007]).

В фундаментальных работах основоположников отечественной когнитивной лингвистики определяются наиболее важные вопросы общетеоретического и прикладного характера, так или иначе связанные с общей проблематикой языковой репрезентации мыслительных структур. В частности, предпринимаются попытки выявить когнитивные точки внутриязыковой референции в процессах формирования и передачи смысла высказывания, установить причины выбора конкретного слова в конкретном случае коммуникации, определить специфику соотношения неязыковых и языковых прототипов, прототипов ментального и языкового уровней и, таким образом, определить основные принципы репрезентации всех типов знания в языке.

В соответствии с положениями теории репрезентации, разрабатываемой Н.Н. Болдыревым и его учениками, репрезентативная функция

языка рассматривается как равноправная другой его функции – коммуникативной. В своей репрезентативной функции, как подчеркивает Н.Н. Болдырев, язык рассматривается как «определенная форма, отличающаяся дискретностью, по отношению к недискретным концептуальным сущностям» [Болдырев 2007: 13]. Именно этот факт позволяет Н.Н. Болдыреву утверждать, что языковая картина мира и концептуальная картина мира связаны между собой метонимическими отношениями, которые «обусловлены обобщающей функцией слова в системе языка и категориальным характером организации самой этой системы» [там же].

С целью описания принципов языковой репрезентации знаний на системном и функциональном уровнях, принципов и механизмов формирования языковых значений и смыслов Н.Н. Болдырев вводит понятие прототипа языковой репрезентации, которое он противопоставляет двум другим понятиям: прототип категории неязыковых (естественных) объектов и прототип языковой категории. Анализ этих трех понятий приводит автора к методологически важному выводу о том, что «прототипы концептуальных и языковых категорий не связаны между собой отношениями прямой репрезентации друг друга» и что, следовательно, «отношения репрезентации между концептуальной и языковой системами проявляются преимущественно на категориальном уровне и связывают, прежде всего, сами категории, а не их отдельные элементы» [Болдырев 2007: 15]. Тем самым устанавливается категориальный принцип репрезентации знаний в системе языка. Существование категориального принципа языковой репрезентации подтверждается тем, что вербальные репрезентации входят в систему коллективных (разделенных) знаний, которые подчиняются единому принципу организации.

Наиболее иллюстративными в этом плане как раз являются отношения репрезентации между концептуальными и морфологическими категориями, описанные нами в рамках теории морфологической репрезентации (см., например: [Беседина 2006, 2006а, 2008; Болдырев, Беседина 2007]). Морфологическая репрезентация определяется нами как категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм. Из данного определения следует, что морфологическая репрезентация основана на особом, категориальном, типе взаимодействия когнитивных и языковых единиц.

С точки зрения морфологической репрезентации морфологические категории могут рассматриваться как особые форматы знания, выполняющие «специфическую роль в организации и оперативном ис-

пользовании знаний о мире, о языке как части мира, способах их обработки и интерпретации человеком» [Болдырев 2007: 22]. Морфологические категории репрезентируют знание второго типа (см. классификацию типов знания, предложенную Н.Н. Болдыревым в [Болдырев 2007]). Оно включает в себя специфику представления знания о мире в языке, а также знание собственно языковых форм, их значений и категорий, отражающих специфику языковой организации.

Процесс морфологической репрезентации (как и в случае с другими типами языковой репрезентации) основан на взаимодействии языкового и концептуального уровней. Концептуальный уровень представлен морфологически передаваемыми концептами, которые создают когнитивную основу морфологической репрезентации.

Морфологически передаваемый концепт это выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического. Морфологически передаваемый концепт по своему статусу в концептуальной системе является «вторичным». Он возникает в результате абстрагирования (мысленного выделения) наиболее существенных характеристик и отвлечения от других, частных характеристик и связей в содержании основного (первичного) концепта. Под первичными понимаются концепты уже существующие в концептуальной системе, относящиеся к числу наиболее важных для построения и существования самой концептуальной системы, обеспечивающие ее упорядоченность и возможность человека мыслить о мире и создавать его определенный образ, или картину мира. Напомним, что в морфологии (как и в целом в грамматике) репрезентируются именно такие концепты, получившие статус фундаментальных в теориях Дж. Джекендоффа, Е.С. Кубряковой, Л. Талми, а именно ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО, ОТНОШЕНИЕ, ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ и др. В результате операции абстрагирования выделяется часть информации в содержании первичного концепта, которая и составляет основу для формирования морфологически передаваемого концепта. Например, при формировании морфологически передаваемого концепта *ВРЕМЯ* в содержании основного концепта ВРЕМЯ абстрагируются характеристики «настоящее», «прошедшее», «будущее», при формировании морфологически передаваемого концепта *АСПЕКТ* в содержании того же основного концепта абстрагируется характеристика «характер действия». Абстрагирование характеристик «количественное понятие» и «дискретность» в содержании основного концепта КОЛИЧЕСТВО создает базу для

образования соответственно морфологически передаваемых концептов *ЧИСЛО* и *МЕРА ПРИЗНАКА*. Возникающий «вторичный» концепт получает репрезентацию за счет морфологических форм (времени, аспекта, числа, степеней сравнения и т.д.) и является по способу представления в языке морфологически передаваемым. При этом он остается встроенным в содержание основного концепта, кодируя характеристики, наиболее важные с точки зрения языковой репрезентации.

Как следствие, морфологически передаваемые концепты включают в себя те языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания, т.е. они обобщают знания с целью их языкового представления и «отвечают» за передачу языковых знаний в конкретном языке. Формирующиеся на этой основе характеристики морфологически передаваемого концепта составляют его содержание и, активизируясь через морфологические формы, создают базу для соответствующих морфологических смыслов, имеющих максимально обобщенный характер и требующих уточнения и конкретизации.

Отношение репрезентации, устанавливаемое между составляющими содержание морфологически передаваемых концептов смыслами и конкретными значениями морфологических форм (настоящего, прошедшего, будущего времени, единственного и множественного числа, действительного и страдательного залога и т.д.) представлено по принципу «фон – фигура». Фигуро-фонные отношения в рассматриваемом случае обнаруживают свою специфику. Она состоит в том, что морфологически передаваемый концепт не является фигурой по отношению к основному концепту, а связан с ним отношением символизации. Общее содержание морфологически передаваемого концепта является фоном по отношению к значению морфологической формы, которая выступает в качестве фигуры. Фон устойчив за счет присутствия в содержании морфологически передаваемого концепта наиболее общих и существенных характеристик. Фигура изменчива, подвижна, подвержена переосмыслению.

Содержание морфологически передаваемых концептов в наибольшей степени подвергается стандартизации на общенациональном уровне и включает максимально обобщенные смыслы, которые имеют особый статус категориальных смыслов, что обеспечивает их принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса. Таким образом, морфологически передаваемый концепт существует одновременно как единица знания, репрезентируемая с помощью морфологических категорий и форм, и как концепт, лежащий в основе

формирования морфологических категорий и реализующийся в виде конкретных грамматических смыслов (грамматического времени, числа, аспекта, наклонения).

Языковой уровень представлен морфологическими категориями и формами, которые вербализуют содержание определенных единиц знания (морфологически передаваемых концептов), отражающих языковые знания. Морфологические категории и формы при этом выполняют роль языковых механизмов репрезентации знаний. В этой функции морфологические категории представляют собой концептуальное объединение форм, служащее осмыслению наиболее важных и абстрактных сущностей в языке и выступающее в качестве формата знания особого типа (подр. о форматах знания см. [Болдырев 2006]). Как следствие, обобщенные значения морфологических категорий создают ту «сетку координат» (термин Е.С. Кубряковой) в организации языка как когнитивной системы, в рамках которой осуществляется видение и осмысление мира человеком. Вместе с другими грамматическими категориями они «обеспечивают языку выход за пределы непосредственно наблюдаемого и отражают воистину беспредельные возможности языка» [Кубрякова 2006: 13].

В морфологических формах язык фиксирует не только наиболее обобщенные и абстрактные характеристики окружающего мира, но и те стороны, которые оказываются для человека наиболее регулярными и менее подверженными влиянию каких-либо факторов. Именно такие характеристики и стороны окружающей действительности передаются в морфологических формах с определенной степенью обязательности и регулярности. Например, временные, количественные параметры, показатели меры степени признака и реальности/ирреальности действия в большей степени представляются универсальными и в меньшей степени зависимыми от позиции говорящего. Эти знания, как правило, репрезентируются в языке соответствующими морфологическими категориями (времени, числа, степеней сравнения, наклонения).

Сказанное позволяет заключить, что морфологическая категория (как и любая другая языковая категория) – это результат когнитивных процессов, связанных с выявлением и объективированием того, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием. Это дает нам основание опираться именно на результаты языковой репрезентации (языковые формы), когда мы делаем выводы относительно структур знания, стоящих за ними, поскольку язык отражает некие общие принципы, управляющие восприятием мира.

В логике определения прототипов языковой репрезентации знаний названия морфологических категорий могут рассматриваться как прототип морфологической репрезентации языкового знания, выступающий в качестве опорной точки в процессе формирования и передачи необходимого смысла и одновременно как наиболее типичное средство передачи знания об абстрактных сущностях в наиболее обобщенном виде на высоком уровне абстракции.

С когнитивной точки зрения, морфологические категории служат структуризации концептуального содержания, организуя каркас тех форм, в которые «выливается» содержание, передаваемое лексикой (подр. см. [Talmy 2000: 1-4]). Как следствие, они, как и другие грамматические и словообразовательные категории, входят в класс формально маркированных категорий, характеризующихся наличием у каждой из них особой языковой формы (ср. формы *Progressive*, *Perfect*, *Perfect Progressive*, *Passive* и т.д.).

Таким образом, морфологическая категория представляет собой единство концептуального содержания и форм его репрезентации в конкретном языке. При этом инвентарь морфологических категорий в разных языках заметно варьируется. Тем не менее, они подчиняются некоторым схемам, которые могут быть признаны универсальными. И происходит это благодаря наличию общего когнитивного основания в качестве которого выступает концепт соответствующей категории.

По отношению к системе языка морфологические категории являются категориями естественных (для языка) объектов и отражают онтологию самого языка. Этот факт непосредственно определяет специфику структуры и принципы формирования морфологических категорий, которые как носители человеческих знаний нерядоположны и неравноценны (подр. см [Кубрякова 2004: 314]). Для морфологических категорий, как и для других категорий грамматического уровня, характерна прототипическая структура (подр. обосн. этого тезиса см. в: [Болдырев 2006; 2007 и др.]). Это с необходимостью предполагает наличие прототипа морфологической категории как наиболее типичного образца в категории языковых объектов. Напомним, что прототип определяется в теории Н.Н. Болдырева как концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание [Болдырев 2004: 32]. Основные характеристики прототипа выступают в качестве характери-

стик соответствующей категории, что и обуславливает принадлежность к данной категории тех или иных элементов [там же].

Из данного определения следует вывод о том, что прототипом морфологической категории является морфологически передаваемый концепт, который обладает набором наиболее важных характеристик, свойственных соответствующей морфологической категории и определяет возможность отнесения тех или иных морфологических форм к соответствующей категории. В частности, структура категории времени предполагает, что прототипом ее выступает лежащий в ее основе морфологически передаваемый концепт ВРЕМЯ с основными характеристиками: одновременность с моментом речи, предшествование моменту речи, следование за моментом речи. Тем самым данный концепт обуславливает характеристики элементов (временных форм), принадлежащих к категории времени. Сказанное определяет тот факт, что морфологические формы настоящего, прошедшего и будущего времени маркируют осмысление ситуации как одновременной, предшествующей и следующей за моментом речи. Тем самым момент речи выступает в роли естественной границы, определяя конечную точку прошедшего и начальную точку будущего. Прототип категории времени включает в себя знания о мире как они отражены языком, а именно, знания о том, как время представлено в языке, и знания грамматических значений и форм, объединяющихся в рамках морфологической категории времени, т.е. собственно языковые знания. Морфологически передаваемый концепт ВРЕМЯ, таким образом, представляет собой те языковые смыслы, с помощью которых кодируются энциклопедические знания о времени.

Имея классификационную природу и будучи ориентированным одновременно на говорящего субъекта и систему языка, прототип категории времени позволяет говорящему по-разному представить и интерпретировать одну и ту же ситуацию, выбирая различные временные формы. Особенно это характерно для ситуаций, связанных с передачей будущих действий в английском языке. Использование формы Future Simple ориентировано на представление какого-либо события как гипотетически возможного, но уверенность в его совершении у говорящего минимальная (The train will arrive at 5). В том случае, когда говорящий располагает достоверной информацией о времени прибытия

поезда (знает расписание движения) используется форма Present Simple (The train arrives at 5), что подчеркивает актуальность совершения действия и реальность его осуществления.

Аналогичным образом можно интерпретировать и следующую пару примеров: They will come tomorrow. / They are coming tomorrow. Если в первом случае приезд рассматривается как возможный, но не обязательно осуществимый, то во втором случае – использование формы настоящего представляет ситуацию как реальную, ибо о приезде имеется договоренность и у говорящего имеется необходимая информация о факте приезда. Иными словами, использование различных временных форм позволяет по-разному представить одну и ту же ситуацию и «высветить» разные ее аспекты. Приведенные языковые факты согласуются с принимаемой в когнитивной лингвистике идеей о способности человека представлять себе и описывать одну и ту же ситуацию с помощью разных языковых форм. Язык, в свою очередь, располагает средствами для интерпретации одной и той же ситуации множеством разнообразных способов (ср. также [Булыгина, Шмелев 1997; Кубрякова 2004]).

Структура категории наклонения предполагает, что ее прототипом выступает морфологически передаваемый концепт НАКЛОНЕНИЕ с основными характеристиками: соответствие действительности, несоответствие действительности. Тем самым данный концепт обуславливает характеристики элементов, принадлежащих к категории наклонения. На его основе в составе категории наклонения объединяются формы изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения.

Рассматриваемый концепт представляет собой классификационный концепт, который ориентирован на собственно языковые знания об отношении действия к действительности с точки зрения говорящего. Классификационный статус рассматриваемого концепта определяет тот факт, что он ориентирован на говорящего и на систему языка. Это позволяет говорящему с помощью той или иной формы наклонения по-разному представлять способ восприятия ситуации с точки зрения представления ее как реальной, нереальной и т.д. Например:

- (1) *I know that you **meet** her every day.*
- (2) *It is necessary that you **should meet (meet)** her every day.*
- (3) *I wish you **met** her every day.*
*You **would meet** her every day, if you could.*
- (4) ***Meet** her every day.*

В примере (1) действие представлено как реальное, о котором говорящий хорошо информирован, т.е. он знает о нем, как о совершающемся постоянно. В примере (2) речь идет о возможном действии непротиворечащем реальности, т.е. говорящий рассчитывает на реальность его совершения. Группа примеров (3) представляет действие как воображаемое, или противоречащее реальности. Вероятнее всего, говорящий не ожидает, что оно действительно произойдет. В примере (4) выражено прямое побуждение к совершению действия.

Подводя итог теоретическому осмыслению проблемы репрезентации мыслительных структур в морфологии, представляется необходимым особо подчеркнуть следующие основные моменты. Морфологическая репрезентация в наиболее явном виде иллюстрирует категориальный принцип языковой репрезентации знаний, обеспечивая структурирование концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм. В качестве опорных точек (прототипов) морфологической репрезентации знаний выступают названия морфологических категорий. Морфологические категории, будучи категориями естественных (для языка) объектов, имеют прототипическую структуру. В качестве прототипа категории выступает морфологически передаваемый концепт, включающий в себя наиболее важные характеристики соответствующей морфологической категории и определяющий подведение тех или иных форм под эту категорию. При этом морфологические категории и формы выполняют роль языковых механизмов репрезентации знаний.

Литература

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2006.

Беседина Н.А. Основы теории морфологической репрезентации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006а. № 3. С. 50-62.

Беседина Н.А. Принципы и механизмы морфологической репрезентации в языке // Филологические науки. 2008. № 6. С. 44-52.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. Тамбов, 2007. С. 12-28.

Болдырев Н.Н., Беседина Н.А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. № 1. С. 3-10.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.

Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. тр. М., 2007.

Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии, морфологии. М.: Наука, 1979.

Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч.тр. Тамбов, 2007.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Typology and Process in Concept Structuring., 2000. Vol. 2.

nbesedina@bsu.edu.ru

N.A. Besedina (Belgorod, Russia)

REPRESENTATION OF COGNITIVE STRUCTURES IN MORPHOLOGY (THEORETICAL APPROACH)

The article deals with the analysis of morphological representation of knowledge. The place of morphological representation in the general theory of linguistic representation is shown.

Key words: cognitive and language structures interaction, morphological representation, morphological concept, figure – ground, prototype.